

СЕРИЯ «ТЯЖЕЛОВЕС» • КНИГА 2 (ФИНАЛ ДИЛОГИИ)

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ТЯЖЕЛОВЕС

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

БОЕВОЕ ФЭНТЕЗИ • ТАНК • ЛИТРПГ

Нейтон Патчер

Тяжеловес: Горизонт Событий

<https://litres.ru/74477509>

SelfPub; 2026

Аннотация

Разгром синдиката «Абсолютный Вектор» сделал инженера Глеба Громова легендой, но навлек на него гнев высшей корпорации. Совет Архитекторов не намерен терпеть бойца, чья гравитационная масса ломает правила цифровой вселенной. На орбиту стянута армада тяжелых дредноутов, готовых стереть мятежный сектор орбитальными ударами из стратосферы. Вольфрамовые стрелы падают с небес, обращая гранитные скалы в пыль. Но там, где гибнут армии, Тяжеловес обретает абсолютную мощь. Поглощая кинетическую энергию бомбардировки, Глеб выходит на мифическую ступень Нейтронной Плотности и раскрывает сферу Горизонта Событий. Начинается отчаянный штурм орбитальной цитадели. В грандиозной схватке над планетой сойдутся бездушный машинный диктат и живая физика сингулярности. Сумеет ли несокрушимый гигант спасти мир и победить саму гравитацию? Читайте масштабный финал эпической дилогии прямо сейчас!

Нейтон Патчер

Тяжеловес:

Горизонт Событий

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ТЯЖЕЛОВЕС:

ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

Серия «Тяжеловес» • Книга 2 (Финал дилогии)

ГЛАВА 01. ЗОВ ЗВЕЗДНОГО ЯДРА

Рассвет над Базальтовой Гаванью не наступал плавно — он вспыхивал жестким, режущим багрянцем, когда первые лучи утреннего светила переваливали через зубчатый хребет Железных Клыков. Здесь, на километровой высоте над базальтовым каньоном, воздух всегда пах озоном, холодной каменной пылью и тем едва уловимым привкусом раскаленной окалины, который преследовал Глеба Громова всю его сознательную жизнь. Еще там, на Земле, в душных цехах Челябинского электрометаллургического комбината, этот запах

означал начало двенадцатичасовой смены у дуговой сталеплавильной печи. В мире «Гравис Онлайн» он стал вечным спутником выживания.

Прошло ровно четырнадцать игровых суток с того момента, как синдикат «Абсолютный Вектор» прекратил свое существование. Падение летающей цитадели Люциана оставило глубокий шрам на теле каньона: колоссальные обломки антигравитационных двигателей до сих пор торчали из скал, словно ребра гигантских доисторических чудовищ, покрываясь утренним инеем и ржавчиной. Город внизу оживал. На нижних террасах Гавани гулко стучали пневматические отбойники, звенели тяжелые кирки артелей рудокопов, а из вентиляционных шахт поднимались белесые столбы пара — освобожденные жители укрепляли периметр, восстанавливали геотермальные генераторы и возводили новые плавильные комплексы.

Глеб стоял на самом краю верхнего бастиона, опираясь ладонью в тяжелой латной рукавице на верхнюю кромку своего башенного щита «Монолит». Полутораметровая плита из композитного метеоритного железа и алмазиевых ребер жесткости уходила острым нижним шипом в гранитную плиту на добрых двадцать сантиметров. Даже в пассивном состоянии вес доспехов и щита превышал шестьсот килограммов, но для тела Громова, перекованного уникальным классом «Тяжеловес», эта масса не ощущалась чужеродным грузом. Она была естественным продолжением его скелета, его

мышц и его воли.

Громов прикрыл глаза, погружаясь в привычный аналитический транс. Для большинства игроков системный интерфейс представлял собой набор абстрактных полосок здоровья, маны и выносливости. Для дипломированного инженера-металлурга он всегда выглядел как сложная диаграмма фазового равновесия «железо — углерод», дополненная тензорными уравнениями гравитационных полей.

Перед внутренним взором развернулись строгие символы системной телеметрии:

[Системное уведомление: Профиль персонажа: Глеб Громов (Базальт)]

[Класс: Грандмастер Гравитационной Плотности (Мифический ранг — Пробуждение)]

[Базовый физический вес: 180 кг]

[Пассивная эквивалентная масса: 14 500 тонн]

[Плотность костной и мышечной структуры: x120 относительно земного стандарта]

[Текущая стабильность кристаллической решетки: 99.8%]

[Накопленный кинетический потенциал: 12 400 000 Дж]

«Четырнадцать с половиной тысяч тонн», — мысленно зафиксировал Глеб, чувствуя, как глубоко под подошвами его кованых сапог стонет монолитная скала.

С каждым днем, проведенным в тренировках и медитации-

ях у геотермальных жерл, внутренняя сингулярность требовала все большего контроля. Обычный человек, обладай он такой скрытой массой, мгновенно провалился бы сквозь земную кору, оставив после себя идеальную вертикальную скважину до самой мантии. Но гравитационные тензоры класса удерживали эту массу в свернутом, латентном состоянии, создавая лишь микроскопические градиенты натяжения пространства в радиусе двух шагов от тела.

— Эй, металлург! Ты опять пугаешь скалы своим траурным выражением лица?

Глеб не обернулся — по звуку шагов, легких и пружинистых, он узнал Веронику задолго до того, как она поднялась по винтовой лестнице бастиона.

Вероника, известная на просторах сектора как Пульсар, двигалась с той грацией опасного хищника, которая дается лишь стрелкам с запредельными показателями рефлексов и релятивистского восприятия. На ее плече покоился тяжелый составной лук «Фотонный Шквал», плечи которого были выполнены из поляризованного гибкого кристалла. При каждом ее шаге на полированных пластинах легкого титанового нагрудника переливались лазурные сполохи статического электричества.

— Скалы не умеют бояться, Вероника, — спокойно ответил Глеб, не поворачивая головы. — Они лишь подчиняются законам упругой деформации Гука. Пока предел текучести гранита не превышен, этот бастион простоит еще пару тысяч

лет.

— Скучный ты мужик, Громов, — усмехнулась девушка, подходя к парапету и легко запрыгивая на зубец кладки, словно под ней не было километровой пропасти. Ее короткие темные волосы с выбритым левым виском трепал ледяной утренний ветер. — Весь сектор гуляет вторую неделю. В тавернах на пятом ярусе бочки с медовухой выкатывают прямо на мостовую, народ празднует свободу от Люциана, а ты стоишь тут один, как памятник самому себе, и вычисляешь пределы текучести.

— Кто-то должен вычислять, чтобы остальные могли пить медовуху, — парировал Глеб. Он наконец повернулся к спутнице, и серые, словно холодная сталь, глаза инженера внимательно оглядели ее экипировку. — Твои прицельные визоры. Ты их модернизировала?

Взгляд Вероники на мгновение стал серьезным. Она коснулась пальцем тонкой дужки сенсорного монокуляра, закрепленного над правым глазом.

— Заметил? Денис вчера полночи колдовал над оптической матрицей. Мы поставили линзы из астрального кварца, которые ты вытащил из личного арсенала Люциана. Теперь я могу различать квантовые флуктуации в верхних слоях атмосферы на дальности до ста пятидесяти километров. И знаешь что, Глеб? Мне совсем не нравится то, что я там вижу.

Глеб нахмурился:

— Ионосферные возмущения?

— Не просто возмущения. — Вероника нахмурила тонкие брови и посмотрела в зенит, где бледно-голубое утреннее небо постепенно переходило в ультрамариновую бездну ближнего космоса. — За последние сорок восемь часов плотность электромагнитного фона в стратосфере выросла на триста процентов. Обычные игроки видят там только красивые перламутровые облака. Но мои приборы фиксируют микроскопические гравитационные проколы. Словно кто-то на околопланетной орбите прощупывает наш сектор высокочастотными гравитационными сонарами. Очень тяжелыми сонарами.

Снизу, со стороны кузнечных мастерских, послышался тяжелый металлический грохот. Массивная бронированная дверь, ведущая во внутренние тоннели арсенала, с лязгом распахнулась, и на площадку бастиона тяжело выбрался Денис.

Великий мастер Хромиум выглядел так, будто не спал трое суток — что, впрочем, полностью соответствовало действительности. Его брезентовый фартук был прожжен искрами в дюжине мест, на массивных бицепсах виднелись свежие следы окалины, а рыжая борода была всклокочена. В руках кузнец бережно нес тяжелый металлический контейнер из вороненой стали, оплетенный светящимися изолирующими контурами.

— Разойдись, мелюзга, тяжелая артиллерия идет! — пробасил Денис, осторожно опуская контейнер на широкую ка-

менную скамью у зубцов стены. — Глеб, если эта штука рванет, от нашей Гавани останется аккуратная воронка глубиной до самого геотермального ядра. Так что будь добр, убери свои гравитационные щупальца, пока я не сниму блокираторы.

— Что это, Дэн? — Глеб сделал шаг вперед. Каменные плиты под его ногами отозвались коротким вибрирующим гулом. — Сейф Люциана?

— Хуже, друг мой, гораздо хуже и в миллион раз интереснее, — глаза кузнеца лихорадочно блеснули неподдельным восторгом первооткрывателя. Он нажал комбинацию рунических символов на замке контейнера. Защитные контуры с тихим шипением погасли, тяжелая крышка откинута на гидравлических поршнях. — Мы вскрыли самый нижний схрон под командным бункером «Абсолютного Вектора». Люциан не сам создал свои парящие цитадели. Он нашел технологические чертежи и артефакты в древней Шахте Титанов. И вот это — сердце их энергосети.

Внутри контейнера, в подвешенном состоянии между четырьмя электромагнитными демпферами, парил идеально гладкий шар размером с человеческую голову.

Поверхность сферы не отражала свет — она казалась абсолютным провалом в пространстве, бездонной черной дырой, по краям которой едва заметно пульсировали тончайшие золотисто-фиолетовые прожилки. От шара исходил низкий, утробный гул, заставлявший зубы вибрировать, а волос-

ки на предплечьях вставать дыбом.

[Внимание! Обнаружен реликтовый объект класса «Артефакт Древних»!]

[Наименование: Реликтовое Ядро Звездного Разлома (Фрагмент)]

[Тип: Концентрированный гравитационный аккумулятор Первых Зодчих]

[Энергетический потенциал: Нестабилен. Опасность пространственного коллапса: Умеренная]

[Совместимость с классом «Тяжеловес»: 98.4%]

— Люциан пытался использовать его как батарею для своих двигателей, — понизив голос, заговорил Денис. Он вытер закопченный лоб тыльной стороной ладони. — Но этот идиот не понимал сути материала. Это не аккумулятор маны. Это замороженный кусок звездного вещества, стабилизированный пространственными полями. Плотность внутри этого шарика такова, что если отключить демпферы, он за доли секунды прошьет планету насквозь под собственным весом.

Глеб медленно снял тяжелую латную рукавицу с правой руки. Его пальцы, огрубевшие от многолетней работы с металлом, покрывали старые шрамы от брызг расплавленной стали.

— Глеб, осторожнее, — тихо предупредила Вероника, произвольно положив ладонь на рукоять лука. — Мой монокуляр сходит с ума. Вокруг этого ядра искривление метрики пространства достигает критических значений.

— Все нормально, — спокойно произнес Глеб. — Я чувствую его структуру. Это не магия. Это чистая физика сверхплотных состояний.

Громов протянул обнаженную ладонь к парящей черной сфере.

В тот же миг воздух между его пальцами и ядром сгустился до плотности густого моторного масла. Пространство дрогнуло. Фиолетовые прожилки на сфере вспыхнули ослепительным пламенем, и низкий гул ядра внезапно перешел в чистый, вибрирующий гармонический тон — словно зазвучал гигантский камертон, отлитый из звездного железа.

[Системное уведомление: Установлен прямой контакт с Реликтовым Ядром!]

[Резонанс гравитационных частот: 100%]

[Инициирован процесс гармонизации скрытой массы персонажа и реликтовой матрицы!]

[Входящий гравитационный импульс: 48 000 000 Дж. Конвертация в эквивалентную массу: +480 тонн!]

[Текущая эквивалентная масса персонажа: 14 980 тонн!]

Тело Глеба окутало густое, маслянисто-черное марево.

Под его сапогами гранитные плиты бастиона покрылись паутиной микротрещин, но сам Громов даже не покачнулся. Напротив, в его глазах вспыхнул холодный, расчетливый огонь металлурга, увидевшего идеальный технологический процесс. Энергия, дремавшая в древнем ядре миллионы лет,

не пыталась разорвать его плоть — она искала русло, искала сосуд, способный выдержать ее колоссальное давление. И нашла его в человеке, чья воля была закалена жаром марте-новских печей и сотнями тонн принятого на щит урона.

— Невероятно... — прошептал Денис, заворуженно глядя на показатели на наручном диагностическом терминале. — Он не разрушает ядро. Он замыкает его силовые линии на собственную ауру! Глеб, твоя кристаллическая решетка перестраивается!

— Смотрите на свет! — внезапно выкрикнула Вероника, отступая на шаг назад.

На вершине бастиона происходило нечто, противоречащее базовым законам оптики видимого мира.

Солнечные лучи, падавшие на плечи и нагрудник Глеба, больше не отражались от полированной стали и не создавали привычных бликов. Они плавно огибали его фигуру по плавным дугам, закручиваясь в спирали вокруг массивных наплечников. Контуры тела Громова стали размываться, словно он превратился в черную дыру человеческого роста, окруженную тончайшим, радужно светящимся ореолом.

— Оптическое преломление... — хрипло произнес Глеб, вслушиваясь в новые ощущения в собственном теле. — Гравитационное линзирование. Масса настолько велика, что фотоны искривляют свои траектории в непосредственной близости от брони.

— Ты невидим? — ошарашенно спросил Денис.

— Нет. Я — поглотитель, — Глеб сжал кулак, и радужное кольцо вокруг его предплечья сжалось в ослепительно яркую точку, после чего с глухим хлопком схлопнулось. — Любой направленный луч света, лазер или фотонный сгусток магии будет затянут в гравитационную воронку и рассеян до того, как коснется металла. Денис, это не просто броня. Это горизонт событий в миниатюре.

[Открыт новый эффект пассивного навыка «Гравитационный Ореол»: «Оптическое и Энергетическое Линзирование»!]

[Снижение урона от лучевого и энергетического оружия: 45%]

[Коэффициент поглощения электромагнитных импульсов: 70%]

[Шанс полного отклонения высокоскоростных снарядов по касательной траектории: 25%]

Вероника опустила лук, но напряжение на ее лице не исчезло. Напротив, она резко вскинула голову, прижимая ладонь к гарнитуре сенсорного монокуляра.

— Глеб... Прекрати тест. Быстро!

— Что случилось? — Громов разомкнул контакт с ядром. Черная сфера с тихим щелчком вернулась в исходное положение между демпферами, а искривление пространства вокруг его доспехов плавно сошло на нет.

— Твоя вспышка гравитации... Она сработала как маяк в абсолютной темноте, — голос девушки дрогнул, чего с ней

не случилось со времен битвы за Железный Каньон. — В верхних слоях стратосферы. Те возмущения, о которых я говорила... Они синхронизировались.

Глеб мгновенно подошел к краю парашюта и поднял взгляд к небу.

Небо над Базальтовой Гаванью оставалось ясным, но теперь даже невооруженным глазом можно было заметить странные аномалии. Высоко в зените, на границе с открытым космосом, лазурный цвет атмосферы начал выцветать, приобретая зловещий, мертвенно-пепельный оттенок. Облака, мирно плывшие над хребтом, внезапно замерли, а затем начали выстраиваться в правильные концентрические кольца — так ведет себя вода на поверхности пруда, когда в глубине просыпается нечто чудовищное.

Затем пришел звук.

Это не был гром или грохот обвала. Это был низкочастотный, всепроникающий гул, от которого задрожали кости, а глубоко под землей тревожно взвыли аварийные сирены геотермальных комплексов Гавани. Птицы, гнездившиеся в расщелинах скал, с диким криком сорвались с карнизов и тысячами бросились вниз, в глубокие ущелья, пытаясь спрятаться от невидимой угрозы, нависшей над миром.

[Внимание! Зафиксировано глобальное возмущение гравитационного поля планеты!]

[Источник: Геостационарная орбита сектора 7]

[Класс угрозы: Экзистенциальный (Космический]

масштаб)]]

[Тензор кривизны пространства превышает критический порог в 400 раз!]

Денис судорожно бросился к контейнеру, защелкнул крышку и активировал защитные контуры. Его лицо побелело, а руки в тяжелых рукавицах мелко подрагивали.

— Мать честная... Глеб, что это за чертовщина? Это не может быть Люциан, мы лично размазали его цитадель по камням!

— Это не Люциан, — тихо, но отчетливо произнес Глеб. Его пальцы привычно и крепко легли на рукоять «Монолита», вогнав нижний край щита еще глубже в треснувший гранит. — Люциан был всего лишь мелким наместником, воровавшим крохи древних технологий. Настоящие хозяева этих игрушек наконец заметили, что их сторожевой пес перестал выходить на связь.

— Совет Архитекторов... — выдохнула Вероника, и ее пальцы на тетиве лука побелели от напряжения. — Легенды не вдали. Они действительно существуют. И они пришли зачистить сектор.

В вышине, прямо над Базальтовой Гаванью, ультрамариновая синева небес треснула. Ослепительная, безжалостная вспышка разорвала стратосферу, знаменуя начало новой войны, в которой камни и сталь должны были столкнуться с абсолютной мощью космического диктата.

ГЛАВА 02. ОРБИТАЛЬНАЯ ТРЕВОГА

Небо над хребтом Железных Клыков не просто потемнело — оно раскололось, словно перекаленный лист высоколегированной броневой стали под многотонным гидравлическим прессом.

Сначала по лазурному куполу стратосферы побежали ослепительно белые, ветвящиеся трещины черенковского излучения. Воздух на километровой высоте мгновенно наполнился резким, царапающим горло запахом паленой изоляции, озона и перегретого газа. Затем, с чудовищным звуком, напоминающим одновременный скрежет сотен сталкивающихся тектонических плит, ткань пространства надо всей провинцией разорвалась на пять колоссальных геометрических секторов.

Из пылающих гиперпространственных разломов медленно начали выползать они.

Боевые дредноуты Высшего Совета Архитекторов.

Их было пять. Пять исполинских боевых кораблей класса «Архимед», каждый длиной более четырех километров. Их корпуса, начисто лишённые каких-либо обтекаемых или аэродинамических форм, представляли собой строгие многогранники из матово-серого зеркального композита, не дававшего ни единого солнечного блика. Сама геометрия этих левиафанов отрицала природу: идеальные прямые углы, срезанные фаски плоскостей и абсолютная, математически выверенная симметрия. По граням скользили тонкие нити ла-

зурной энергии, а на плоских носовых срезах зияли черные колодцы тяжелых рельсотронных орудий — калибра, способного пробивать континентальные литосферные плиты до жидкой магмы.

Они заняли расчетную геостационарную орбиту прямо над Базальтовой Гаванью. Солнце, только что поднявшееся над зазубренным гребнем хребта, оказалось намертво перекрыто исполинской тенью флагмана. На весь базальтовый каньон опустились мертвенные, ледяные сумерки.

В тот же миг персональный интерфейс каждого разумного жителя сектора запылал кроваво-красными строками системных предупреждений:

[Внимание! Зафиксировано прямое вмешательство Высшей Управляющей Корпорации!]

[Сектор 7 официально объявлен зоной критического системного сбоя и карантина нулевого уровня!]

[Суверенный статус самоуправляемой Базальтовой Гавани аннулирован декретом Высшего Совета Архитекторов!]

[Активирован протокол глобальной принудительной синхронизации физического движка!]

Базальтовая Гавань замерла в ледяном оцепенении. Звон тяжелых кирок на нижних жилых ярусах оборвался. Пневматические молоты кузниц смолкли, выпустив в воздух шипящие струи пара. Рабочие, торговцы, ремесленники и бойцы территориального ополчения десятками тысяч высыпали

на открытые смотровые террасы, в шоке задирая головы к чудовищным стальным островам, нависшим в зените.

В воздухе повисла звенящая тишина, прерываемая лишь надрывным, монотонным воем аварийных сирен, установленных на сторожевых башнях еще во времена первой осады синдиката.

Вероника медленно опустила свой составной лук. Ее лицо в сгустившемся полумраке казалось высеченным из мрамора. Сенсорный монокуляр, подключенный к ее зрительному нерву, непрерывно проецировал на сетчатку правого глаза бесконечные каскады расчетных телеметрических данных:

— Масса каждого выпела — более пятидесяти двух миллионов тонн, — неестественно спокойным голосом произнесла она, с трудом сглатывая ком в горле. — Они держат стабильную позицию на высоте трехсот двадцати километров. Гравитационные якоря развернуты. У них на борту... великие боги, энергии больше, чем во всех геотермальных жилах нашего континента вместе взятых. Это не просто военная операция, Глеб. Это каратели.

— Пять дредноутов... — Денис тяжело оперся о массивный гранитный парапет, с силой сжав кулаки. — Они никогда не выводили в бой эскадру подобного класса. Даже в Первую Войну Кланов Совет обходился патрульными корветами. Это ликвидаторы, Глеб. Они пришли не договариваться.

Глеб не отвечал. Он стоял неподвижно, широко расставив

ноги в массивных стальных наголенниках, и смотрел прямо на центральный корабль эскадры — супердредноут «Сверх-гигант», на броне которого тускло пульсировала эмблема Совета: рассеченный золотой циркуль, сжимающий человеческое сердце.

Инженер внутри Громова хладнокровно препарировал угрозу. Никакой паники. Страх в металлургии приводит к браку при разливке стали, а в реальном бою — к мгновенной гибели. Только факты, цифры, сопромат и векторы сил.

«Геостационарная точка. Высота — ровно триста двадцать тысяч метров. Первая космическая скорость скомпенсирована маршевыми грави-демпферами. Они висят неподвижно относительно планеты. Идеальная позиция для нанесения кинетических ударов с нулевым баллистическим рассеиванием. Любой твердотельный снаряд наберет чудовищную кинетическую энергию исключительно за счет гравитационного потенциала планеты».

Внезапно морозный воздух на бастионе сгустился. Про странство перед ними пошло частой мелкой рябью, и из сверкающей точки электромагнитного пробоя возник колоссальный голографический проектор.

Свет сооткался в монументальную трехмерную фигуру высотой более трех метров. Это был силуэт существа в геометрически безупречном скафандре высшего администратора. На нагрудных пластинах переливались золотом знаки отличия Верховного Архитектора, а лицо скрывала зеркальная

серебряная маска без единой прорези.

Голос проекции зазвучал одновременно в тысячах ретрансляторов Гавани, через каждый бытовой кристалл связи и напрямую в нейроинтерфейсах игроков. Голос был абсолютно лишен биологических модуляций — синтетический, холодный, размеренный, словно неумолимый такт квантового процессора:

— Внимание биологическим единицам и автономным сущностям Сектора Семь. Говорит Верховный Архитектор Валтор. Председатель Коллегии Системной Стабилизации и Равновесия Материи.

Голограмма медленно повернула зеркальную маску к Глебу, зафиксировав источник максимальной массы:

— Ваш сектор признан очагом неконтролируемой системной эрозии. Ликвидация наместника Люциана и демонтаж синдиката «Абсолютный Вектор» нарушили экономические балансы шестого и седьмого кластеров. Однако главной угрозой признано не банальное восстание рабочих. Угрозой признано появление недопустимой сингулярности.

В воздухе перед маской Валтора развернулась системная карточка персонажа Глеба. Диаграммы плотности, графики поглощения кинетической энергии и кривые накопления массы мерцали ядовито-багровым светом.

— Пользователь Глеб Громов, класс «Тяжеловес». Ваши характеристики вступают в прямое противоречие с фундаментальными константами «Гравис Онлайн». Бесконечное

уплотнение массы и конвертация кинетической энергии в плотность ведут к критическому сбою физического движка. Ваш класс не был предусмотрен исходным проектом мира. Вы — программная ошибка. Вирус, обретший физическую форму.

— Ошибки не восстанавливают разрушенные цеха, Валтор, — глухо отозвался Глеб, сделав шаг вперед. Камень под его сапогом хрустнул, осыпаясь гранитной крошкой. — Ошибки не защищают слабых от грабежа. Люциан выкачивал ресурсы и превращал людей в бесправных рабов. Мы лишь вернули себе право на свободную жизнь.

Голограмма даже на долю миллиметра не изменила позы. Для машинного разума концепции справедливости были лишь помехами в коде.

— Моральные категории биологических единиц irrelevantны, — монотонно продолжал Архитектор. — Вселенная требует баланса уравнений. Наличие нестабильной сингулярности с потенциалом локального коллапса угрожает всей матричной структуре. Совет Архитекторов выносит постановление.

В небесах на нижних серых плоскостях пяти дредноутов синхронно распахнулись створки бомбовых шлюзов. В темных шахтах зажглись ослепительные огни плазменных нагревателей.

— Ультиматум Совета, — бесстрастно огласил Валтор. — Пункт первый: безоговорочная капитуляция ополчения Ба-

зальтовой Гавани и передача геотермальных шахт под контроль автоматизированных сервисных комплексов Совета. Пункт второй: добровольная явка Глеба Громова для прохождения декомпиляции класса, обнуления профиля и изъятия гравитационного ядра.

Пауза длилась ровно три секунды.

— В случае выполнения условий гражданскому населению будет сохранен базовый статус низшего приоритета. В случае малейшего сопротивления сектор подлежит орбитальной стерилизации. Время на выполнение: пятьдесят девять минут сорок секунд. Отсчет пошел.

Голографическая фигура распалась на мириады искр, бесследно растворившись в воздухе.

В небесах тикали невидимые космические часы, а тень от дредноутов казалась все плотнее и холоднее.

— Пятьдесят девять минут... — пробормотал Денис, вытирая рукавом взмокший лоб. — Стерилизация — это сброс кинетических болванок до коренного гранита, а потом заливка шлака нейтрализатором. Даже бактерии в глубоких штольнях не выживут, не то что люди.

Со стороны винтовых переходов послышался топот десятков ног. На смотровую площадку поднялись командиры ополчения, старшины добывающих артелей и старейшины Гавани. В их глазах читался ужас загнанных в угол людей.

— Базальт... — вперед шагнул старый бригадир Корней, чьи мозолистые руки были покрыты въевшейся гранитной

пылью. — Они сожгут нас всех. Внизу сотни детей, раненые... Против пяти дредноутов нет оружия на этой планете! Чем мы их достанем на высоте трехсот километров?!

— И что ты предлагаешь, Корней? — резко развернулась Вероника, вскинув подбородок. — Сдать Глеба? Преподнести на блюдечке этим железным мясникам? А потом покорно ждать, пока сервисные пауки Валтора нацепят на вас ошейники и загонят обратно в забой?!

Старый шахтер тяжело опустил голову:

— Я о жизни пекусь, девка... Если эти боги из космоса решились стереть гору в труху — кто встанет перед их молотом?

— Я встану, — спокойно произнес Глеб.

Слово упало с тяжестью сорокатонной наковальни. Шум на площадке мгновенно стих.

Громов медленно подошел к краю бастиона, снял с плечевых упоров исполинский башенный щит «Монолит» и вогнал полуметровый шип в коренную породу. Гранит отозвался вибрирующим стоном, передав импульс в самые недра скалы.

— Послушайте меня, — Глеб окинул тяжелым, уверенным взглядом собравшихся людей. В его голосе звучала непоколебимая деловая уверенность главного инженера в аварийном цехе. — Я всю жизнь работал с металлом. Я знаю, как ведет себя кристаллическая решетка под предельными нагрузками. Хрупкий чугун раскалывается. Мягкая медь сминается в блин. Но правильно легированная сталь под вы-

соким давлением только упрочняется, закрывая микропоры и сжимая зерно.

Он указал бронированной рукой в зенит, на нависшие километровые корабли:

— Архитекторы оперируют формулами, но забыли фундаментальный закон сопротивления материалов: чем монументальнее конструкция врага, тем сокрушительнее будут разрушения в точках ее внутреннего напряжения. Их корабли огромны, но они не бессмертны.

— Глеб, они применяют «Стрелы Одина», — тихо напомнил Денис, глядя вверх. — Орбитальные вольфрамовые стержни по пятьдесят тонн. Скорость падения — двадцать пять махов. Кинетическая энергия эквивалентна ядерному взрыву. Один такой стержень превратит Гавань в озеро кипящей лавы за долю секунды.

Глеб посмотрел на кузнеца с жесткой усмешкой:

— Пятьдесят тонн вольфрама на гиперзвуке? Плотность — девятнадцать и три десятых грамма на кубический сантиметр. Колоссальный запас кинетической энергии. А что делает Тяжеловес с входящей кинетикой?

Вероника замерла, мгновенно осознав план:

— Ты... ты не станешь укрываться. Ты примешь удар прямо на щит?!

— Укрыться невозможно, — отрезал Глеб. — Взрывная волна разрушит все подземные горизонты. Погибнут все, кто заперт в штольнях. Единственный шанс спасти город —

встретить стержень здесь, на открытой скале, и замкнуть кинетический вектор в точку с наивысшей плотностью. В мой щит.

Он резко повернулся к застывшим командирам:

— Корней! Немедленно начинай эвакуацию. Всех жителей, детей и стариков увести в самые глубокие горизонты, к Древней Шахте Титанов. Туда, где своды укреплены реликтовыми балками Первых Зодчих. Задраить гермозатворы, включить автономные контуры жизнеобеспечения. У вас осталось пятьдесят минут. Живо!

Старик ударил себя кулаком в грудь и бросился вниз, отдавая четкие команды. Вся Базальтовая Гавань пришла в движение: тысячи людей уходили во тьму гранитных глубин.

На бастионе остались лишь трое соратников. Времени оставалось в обрез, и каждая секунда теперь стоила сотен жизней.

Денис тут же развернул мобильную полевую наковальню и подключил термический плазмотрон, работающий на геотермальных аккумуляторах. Воздух огласился яростным ревом высокотемпературного факела.

— Тащи щит сюда! — заорал кузнец, перекрывая гул плазмы. — Я сниму внешнюю термоизоляцию и наварю ребра жесткости из бериллиевой бронзы прямо на адамантиевую основу. Мы свяжем гравитационные катушки Люциана с силовыми шипами заземления. Если вольфрамовый лом войдет под углом, нам нужно, чтобы вектор нагрузки ушел

не в твои шейные позвонки, а рассеялся радиально по гранитной плите!

Глеб опустил тяжелый «Монолит» на верстак. Денис работал как одержимый: его руки в термостойких перчатках летали над металлом с ювелирной точностью. Снопы ослепительных фиолетовых искр озаряли сумрак бастиона. Сварные швы ложились плотными, чешуйчатыми валиками, сплавляя древний метеоритный металл со сверхпроводящими шинами.

— Я вплавляю три контура резонансного гашения, — задыхаясь от жара, кричал Денис. — Но помни, Глеб: они выдержат от силы первые две сотые доли секунды! Дальше вся механическая работа ляжет исключительно на твою собственную массу и твой навык поглощения!

[Системное уведомление: Модификация снаряжения завершена!]

[Объект: Башенный щит «Монолит — Бастион Грависа»]

[Интегрированы рунические контуры распределения нагрузки: +35% к пределу упругой деформации]

[Коэффициент температурного сопротивления повышен до 4 500 °C]

В то же время Вероника стояла на крайнем зубце стены, совершенно не обращая внимания на ледяные порывы штормового ветра. Ее составной лук был закреплен на треноге, превратившись в прецизионный оптический дальномер. Де-

вушка замерла, не мигая глядя сквозь призмы кристального визора прямо в зенит.

— Фиксирую тепловые сигнатуры на флагмане, — монотонно докладывала она, передавая данные по мысленной командной связи прямо в нейроинтерфейс Глеба. — Пусковая рельсовая направляющая «Сверхгиганта» запитана на сто процентов. Давление в магнитных ловушках растет. Они не сбрасывают болванку самотеком, Глеб. Они придают ей начальный электромагнитный разгон! Начальная скорость на срезе ствола составит три километра в секунду!

— Принято, — ответил Глеб, застегивая подбородочный ремень тяжелого глухого шлема. Забрало с тихим гидравлическим щелчком встало на боевой замок, отсекая внешний мир. Остались лишь сухие показания приборов, зеленоватые линии координатной сетки и размеренный стук собственного сердца.

«Три километра в секунду начальной плюс ускорение свободного падения в поле тяжести планеты. К моменту входа в тропосферу скорость превысит семь тысяч метров в секунду. Кинетическая энергия половины сотни тонн металла на такой скорости... это не выстрел. Это падение астероида в масштабах одного квадратного метра».

Громов подошел к центру площадки, где монолитный гранитный фундамент бастиона уходил корнями в самое сердце горы. Он широко расставил ноги, слегка согнул колени и с глухим металлическим грохотом вогнал три массивных ши-

па щита в каменную твердь.

[Активирован боевой режим: «Абсолютная Стойка Тяжеловеса»!]

[Эквивалентная масса зафиксирована в скальном массиве: 15 000 тонн!]

[Коэффициент сцепления с породой: Абсолютный]

[Вектор удержания: 90 градусов относительно горизонтали]

— До сброса тридцать секунд, — голос Вероники в наушнике стал кристально чистым, лишенным страха. В решающий момент релятивистский стрелок превращалась в совершенный боевой инструмент. — Денис, в укрытие! Немедленно!

Кузнец бросил горелку, схватил ящик с инструментами и кубарем скатился в бронированный люк ведущей вниз шахты, захлопнув за собой полуметровую стальную плиту. Вероника отступила к дальнему парапету, активировав защитное поле личного камуфляжа и прижав лук к груди.

Глеб остался один на открытой каменной арене.

В вышине, за пределами человеческого зрения, створки пусковой шахты дредноута вспыхнули нестерпимым голубым светом. Безмолвный вакуум космоса поглотил яростный грохот электромагнитного выстрела.

Смертоносный вольфрамовый стержень сорвался с направляющих рельсов и ринулся вниз, распарывая слои ионосферы и оставляя за собой пылающий след раскаленной

плазмы. «Стрела Одина» летела точно в центр щита человека, посмеявшего бросить вызов законам Архитекторов.

ГЛАВА 03. СТРЕЛЫ ОДИНА

Небо в зените перестало быть просто темным — оно запылало ядовито-фиолетовым, рвущим глаз пламенем ионизированного азота и кислорода.

С высоты трехсот двадцати километров на Базальтовую Гавань падала смерть. Не магия, не сгусток темного колдовского огня, который можно было рассеять защитным барьером или контрзаклятием, и не импульсный лазерный луч, отклоняемый зеркальными кварцевыми призмами. На землю неслась чистая, первобытная кинетическая масса — пятидесятитонный граненый стержень из обогащенного вольфрама с сердечником из обедненного урана, заключенный в многослойную абляционную оболочку из карбида титана и кристаллического бора.

Скорость на входе в плотные слои стратосферы стремительно нарастала, перешагнув рубеж в двадцать пять махов. Восемь тысяч метров в секунду.

Перед падающим телом возник колоссальный конус чудовищного аэродинамического сжатия. Воздух физически не успевал расступаться перед граненым острием гиперзвукового снаряда. Молекулы атмосферных газов спрессовывались с такой силой, что температура в пограничном ударном слое мгновенно подскочила до тридцати тысяч градусов

Кельвина. Воздушный столб впереди снаряда превратился в ослепительно белую, неистово ревущую плазменную иглу.

Снизу, с поверхности планеты, это зрелище выглядело так, словно сама ткань небесного купола с оглушительным треском раскололась надвое, и из зияющей раны космоса на гранитные скалы обрушился карающий бич света толщиной в крепостную башню.

Звук катастрофически отставал от падающего тела на добрых двадцать пять секунд. «Стрела Одина» падала в абсолютной, неестественной, ледящей душу тишине гиперзвука. Ее приближение выдавала лишь неумолимо растущая белая точка в зените, выжигающая сетчатку глаз даже сквозь опущенные веки.

В подземных убежищах Базальтовой Гавани, укрытых под километровой толщей базальта, стояла мертвая тишина. Тысячи людей, прижавшись друг к другу в темноте штолен Древней Шахты Титанов, слышали лишь прерывистое дыхание соседей и прерывистый стук собственных сердец. Старый бригадир Корней стоял у массивного адамантиевого гермозатвора, судорожно сжимая в мозолистых пальцах бронзовый шахтерский амулет. Рядом тихо плакали дети, но матери прижимали их к груди, боясь издать даже малейший звук, словно тишина могла спасти их от падающего с небес гнева Архитекторов.

На открытой гранитной площадке бастиона Глеб Громов стоял в абсолютном одиночестве.

Его ноги в трехпудовых стальных наголенниках были намертво вбиты в монолитную скалу. Нижний край башенного щита «Монолит» погрузился в коренную породу на добрых полметра, намертво расклиненный адамантиевыми упорами, которые Денис с ювелирной точностью вварил в несущую раму. Сквозь узкую смотровую щель глухого бронированного шлема инженер-металлург хладнокровно, без малейшей тени паники наблюдал за приближением рукотворного метеорита.

В его нейроинтерфейсе с бешеной частотой сменялись каскады расчетных данных:

[Баллистический перехват: Траектория отвесная — 89.7 градуса к горизонту]

[Масса падающего объекта: 51 200 кг]

[Текущая скорость цели на высоте 15 км: 7 850 м/с]

[Расчетная кинетическая энергия соударения: 1 577 000 000 000 Дж]

[Тротиловый эквивалент удара: 376 килотонн в пятне контакта 0.8 кв. метра]

[Время до расчетной точки соударения: 4.2 секунды]

«Полтора триллиона джоулей», — зафиксировал аналитический рассудок Глеба. Никакой дрожи в руках, никакого затуманивания сознания адреналином.

Еще в земной жизни, на Челябинском электрометаллургическом комбинате, он изучал динамику разрушения кон-

струкций при запределельных механических воздействиях. Он видел разрушительные последствия обрыва сорокатонных разливочных ковшей, помнил гидравлические удары в паропроводах высокого давления и рассчитывал предел хрупкого разрушения толстостенных реакторов. Но то, что падало сейчас из космического вакуума, превосходило любую мыслимую техногенную катастрофу прошлого. Это был кинетический эквивалент падения железного метеорита, сжатый в острие поперечником меньше метра.

— Глеб! Экстренная поправка по азимуту — ноль целых три десятых градуса влево! — раздался в наушнике шлема резкий, сорванный крик Вероники.

Голос девушки сквозь жесточайшие электромагнитные помехи ионизированного воздуха звучал хрипло, на пределе физических возможностей:

— Аэродинамическое торможение искривило хвостовые рули! Стержень слегка парусит в плотных слоях тропосферы! Его сносит в сторону восточного края бастиона! Смести точку опоры щита на сорок сантиметров влево, иначе вектор срежет тебе левый плечевой сустав и уйдет рикошетом в жилой сектор!

Громов не стал тратить драгоценный кислород на слова.

Мышцы его спины, торса и ног напряглись с чудовищной силой, сминая внутреннюю гелевую амортизацию кирасы. С глухим гортанным рыком человек-гора сдвинул полутонный алмазистый щит в монолитном граните, буквально вспа-

хав в вековом камне две глубокие дымящиеся борозды. Адамантиевые шипы заземления с металлическим визгом вошли в новую расчетную точку соударения.

[Активирован защитный комплекс навыков: «Тектоническое Укоренение»!]

[Связь с базальтовой плитой континента: 100%]

[Иммунитет к эффектам опрокидывания, подбрасывания и кинетического отбрасывания: Абсолютный]

[Предел текучести опорных костных структур временно увеличен в 40 раз]

— Две секунды! — крикнула Вероника, зажимая уши и падая на дно укрытия. — Фильтры на максимум! Иначе сетчатку сожжет дотла!

На оптических линзах шлема Глеба мгновенно сработал фотохромный каскад максимального затемнения. Ослепительно белое, нестерпимое солнце падающего плазменного факела превратилось в темно-багровый, яростно клокочущий вихрь.

— Одна секунда!

Глеб подался корпусом вперед, впечатавшись плечом в продольную титановую балку щита. Обе руки в тяжелых стальных рукавицах намертво сомкнулись на рифленых захватах рукоятей. Он не просто держал щит перед собой — он превращал свое тело и броню в единую непрерывную кристаллическую решетку, замыкая собственные гравитацион-

ные тензоры на атомарную структуру металла.

— Принимая нагрузку, — глухо выдохнул он в раскаленную духоту подшлемника.

И окружающий мир перестал существовать.

Удар орбитальной болванки не имел ничего общего с привычным взрывом. Взрыв химической или пороховой взрывчатки — это горение, расширение газов, растянутая во времени волна давления. Падение пятидесяти тонн плотного вольфрама на скорости почти восемь километров в секунду представляло собой мгновенный гидродинамический переход кинетической энергии в сверхкритическое давление и термодинамический хаос.

Время растянулось на микросекунды.

Микросекунда ноль: граненое острие вольфрамового стержня коснулось алмазиевой накладке по центру башенного щита.

Слой воздуха толщиной в несколько сантиметров между плоскостями снаряда и щита не успел утек в стороны. Атомы газов были мгновенно раздавлены, породив колоссальную вспышку жесткого рентгеновского и гамма-излучения. Звуковая волна чудовищной амплитуды не успела сформироваться в обычный акустический фронт — она превратилась в сплошной ударный солитон невероятной плотности, который мгновенно сбрил с поверхности бастиона все каменные зубцы, смотровые башенки, гранитные парапеты и многотонные настилы. Все эти тысячи тонн камня были об-

ращены в микроскопическую пыль и сметены со скалы со скоростью урагана.

[Критическое событие! Прямое соударение с гиперзвуковым объектом супермассы!]

[Мгновенная пиковая нагрузка на фронтальную плоскость: 420 000 000 тонн-сил!]

[Иницирован фазовый переход твердых материалов в квазижидкое состояние!]

Денис в своих кузнечных прогнозах оказался точен в физике, но недооценил масштабы космической жестокости.

Три рунических контура резонансного гашения, которые он приваривал к тыльной стороне щита, вспыхнули ярким лазурным пламенем и... детонировали в первые две сотые доли миллисекунды. Толстые медные шины сверхпроводников обратились в пар, выплеснув во все стороны капли кипящей латуни. Адамантиевые ребра жесткости щита прогнулись внутрь по плавным параболическим дугам, испуская пронзительный визг на ультразвуковых частотах.

Вся эта непредставимая для живого организма механическая мощь обрушилась напрямую на кости, сухожилия и нервную систему Глеба Громова.

Его зубы сжались с такой силой, что эмаль на зубах лопнула с отчетливым треском. Из носа, глаз и ушей под забралом хлынула горячая кровь, мгновенно заливая смотровые стекла и закипая на раскаленной изнутри металлической фурнитуре. Стенки альвеол в легких Глеба не выдержали резко-

го бароудара, во рту разлился густой, солоновато-металлический привкус. Позвоночник великого танка сжался, словно гигантская железнодорожная рессора под колесной парой груженого товарного состава, а каждый сустав закрипел под давлением, способным смять броневую рубку линкора.

Но плотность его биологической структуры, многократно уплотненная навыками Тяжеловеса, не распалась.

[Внимание! Превышен критический предел прочности биологической оболочки!]

[Активирован безусловный классовый протокол: «Кинетический Реверс»!]

[Эффективность перехвата импульса: 35%... 60%... 85%... 94%!]

[Конвертация кинетической энергии удара в эквивалентную гравитационную массу!]

Под ногами Громова гранитная скала толщиной в сотни метров вела себя не как монолитный твердый камень. Под давлением десятков миллионов атмосфер твердый гранит мгновенно потерял кристаллическую структуру и перешел в жидкую фазу.

Опорная скала под ногами человека просто расплавилась и забурилась.

Основание бастиона треснуло с громоподобным рокотом, заглушившим вой разрываемой атмосферы. В теле горы образовалась гигантская радиальная воронка, края которой мгновенно вспыхнули ослепительно белым жаром. Камен-

ный массив расходился в стороны концентрическими кругами, словно густая смола от падения раскаленного ядра.

Глеб уходил вниз, вглубь горы.

Два метра. Пять метров. Десять метров.

Его ноги по бедра, затем по пояс погрузились в бурлящую, шипящую магму, брызжащую каплями жидкого кварца и полевого шпата. Температура вокруг щита взлетела выше четырех тысяч градусов Цельсия. Воздух в радиусе полусотни метров выгорел полностью за долю секунды, создав глубокий локальный вакуум, в который с оглушительным ревом устремились штормовые холодные ветра с ледяных пиков Железных Клыков.

Вольфрамовый стержень продолжал неумолимо давить сверху, стремясь расплющить преграду.

Его головная часть уже деформировалась, растекаясь по зеркалу «Монолита» ослепительным пылающим грибом. Кипящий вольфрам стекал по боковым граням щита огненными водопадами, мгновенно прожигая тяжелые наручи Глеба до кости. Кожа на его предплечьях обугливалась, сухожилия натягивались до звона, грозя лопнуть, но пальцы Громова в раскалившихся докрасна латных рукавицах не разжались ни на долю миллиметра.

«Стоять... — хрипел Глеб сквозь пенящуюся кровь, чувствуя, как сознание балансирует на грани провала в вечную тьму. — Стоять и держать вектор... Только вертикально... Никакого сдвига... Если стержень соскользнет в сторону, он

пропорет склон горы и вопьется в жилые горизонты... Там тысячи жизней... Они верят, что Базальт удержит небо... Значит, я его удержу!»

В его сознании, закаленном годами металлургического труда, горела четкая картина кристаллической структуры.

Он видел каждую дислокацию в метеоритном сплаве своего щита. Он физически ощущал, как тяжелые атомы вольфрама под запредельным давлением вдавливаются в междоузлия кристаллической решетки адамантия, формируя сверхплотный интерметаллид, невиданный в этом мире. Это была не просто яростная битва за выживание — это была сверхвысокотемпературная термобарическая диффузия в самом центре рукотворного адского горна!

— Глеб! Держись, брат! — сквозь гул кипящего камня донесся осипший голос Дениса.

Кузнец, распахнув тяжелый бронелюк нижнего капонира, несмотря на бушующий вокруг огненный ураган, швырял на край воронки капсулы с руническими хладагентами. Капсулы взрывались белыми клубами жидкого азота, но даже они испарялись, не долетая до пылающего центра кратера.

Вероника, прижавшись к оплавленному обломку стены, смотрела сквозь сенсорный монокуляр с немим благоговением и первобытным ужасом. Ее приборы показывали невозможное: в центре разрушенного бастиона зияла чаша диаметром более ста метров, наполненная жидким гранитом, а на ее дне, по грудь в лаве, стоял негибемый титан

со щитом.

Орбитальный снаряд полностью остановился.

Гиперзвуковой полет завершился. Кинетическая энергия движения иссякла без остатка, полностью перейдя в потенциальную энергию упругой деформации, в тепло и... в нерушимую гравитационную массу.

[Системный отчет о поглощении кинетического урона:]

[Получен суммарный кинетический импульс: 1 577 000 000 000 Дж!]

[Эффективность поглощения классом «Тяжеловес»: 94.8%]

[Прямой урон здоровью: 84% (Критическое состояние, обширные ожоги, баротравма)]

[Остаточный механический импульс рассеян в континентальную плиту: 5.2%]

[Кинетический вектор полностью остановлен и стабилизирован!]

Грохот удара наконец начал утихать, переходя в тяжелый низкий рокот.

Ударная волна, прокатившаяся по каньону, сорвала миллионы тонн снега с дальних горных хребтов, породив гигантские белые лавины в ущельях, но вековые своды Базальтовой Гавани устояли. Древняя гора выдержала чудовищный удар, приняв в себя лишь безопасные остаточные колебания, погашенные щитом и непоколебимым телом великого защит-

ника.

Над кратером повисла душная, пахнувшая серой и жженым железом тишина. Ее нарушало лишь бульканье лопающихся пузырей в кипящем граните. Огромный столб черного дыма и раскаленного кремниевого пара поднимался вертикально вверх, пронзая облака и уходя в стратосферу — к тем самым дредноутам, чьи орудия изрыгнули эту кару.

На мостике супердредноута «Сверхгигант» сенсорные терминалы внезапно замигали тревожными янтарными огнями. Оптические системы наведения передавали картинку эпицентра. Расчетная математическая модель Архитекторов с абсолютной неизбежностью прогнозировала полное испарение биологической цели и образование провальной воронки глубиной сорок метров с полным обрушением всех подземных галерей.

Однако на дне раскаленного кратера продолжало биться живое сердце.

И это сердце обладало гравитационным полем, которое не только не исчезло, но стремительно, пугающе и необъяснимо уплотнялось с каждой секундой.

В центре пылающего лавового озера, по пояс в расплавленном камне, стоял Глеб Громов.

Его тяжелая броня закоптилась до непроницаемой матовой черноты, ткань плаща обратилась в пепел, массивные наплечники были смяты и оплавлены по краям. Башенный щит «Монолит» намертво сплавился с расплюсченной пятидеся-

титонной вольфрамовой болванкой, превратившись в исполинский, светящийся алым монолит космического сплава.

Сквозь треснувшее забрало шлема сочилась кровь, испаряясь на раскаленном нагруднике. Но человек был жив. Его пальцы намертво впились в рукояти щита. Его глаза сквозь разбитые светофильтры смотрели прямо в зенит — в холодную черноту космоса, где застыла стальная армада угнетателей.

Глеб медленно, преодолевая нечеловеческую боль в разорванных мышечных волокнах и обожженных легких, сделал глубокий, обжигающий вдох раскаленного воздуха.

Первая стрела богов разбилась вдребезги о несокрушимую наковальню человека. И эта земная наковальня обрела немислимый, воистину космический вес.

ГЛАВА 04. ПОГЛОЩЕНИЕ МЕТЕОРИТА

Внутри раскаленного кратера время текло по иным, чуждым обычному миру законам.

Воздух над кипящим гранитным озером дрожал от нестерпимого жара, поднимаясь к низким дымным облакам плотными конвекционными струями. Гранит при температуре в четыре тысячи градусов превратился в жидкое стекло — желтовато-бурую, яростно бурлящую жижу, в которой с глухим шипением лопались пузыри перегретых силикатных газов. В самом центре этого рукотворного ада, погруженный в расплав по самую грудь, замер Глеб Громов.

Его тело больше не подчинялось стандартной органической биологии.

Стенки альвеол, разорванные чудовищным гидродинамическим бароударом, затягивались прямо на глазах, скрепляемые плотными гравитационными нитями. Кровь, вытекавшая из носа и ушей, быстро густела, меняя свой цвет с алого на темный, почти черный, металлический оттенок с синеватым отливом. Внутри костного мозга шла лихорадочная, взрывная перестройка клеточных структур: уникальный системный движок «Тяжеловеса» перемалывал полученный импульс, словно гигантский шаровой мельничный комплекс в обогательном цехе комбината.

Перед затуманенным взором инженера-металлурга непрерывным водопадом струились системные строки телеметрии:

[Внимание! Превышен нормативный порог накопления кинетической энергии!]

**[Суммарный поглощенный кинетический импульс:
1 577 000 000 000 Дж]**

[Запущен аварийный протокол сверхкритического сжатия межатомного пространства!]

[Трансформация кинетической энергии в эквивалентную гравитационную массу: 100 %]

[Иницирован квантовый коллапс электронных оболочек!]

Глеб чувствовал каждый атом своего естества.

В классической земной металлургии существовал строгий предел, за которым любой конструкционный материал необратимо разрушался: сначала возникала упругая деформация, затем пластическое течение по плоскостям скольжения кристаллической решетки, лавинообразное накопление дислокаций и катастрофический хрупкий излом. Но системный класс «Тяжеловес» оперировал принципиально иными физическими законами. Он брал колоссальную кинетическую энергию сокрушительного падения вольфрамового монолита и направлял ее не на разрыв связей, а на их насильственное, предельное сжатие в сингулярность.

Электроны на внешних орбиталях под действием гравитационного тензора вдавливались в атомные ядра. Пространство между протонами и нейтронами в костях, сухожилиях, мышечных волокнах и броневого пластинах Громова сжималось до чудовищных плотностей, существующих в природе лишь в недрах коллапсирующих белых карликов.

[Увеличение скрытой эквивалентной массы: +15 000 тонн...]

[Увеличение скрытой эквивалентной массы: +35 000 тонн...]

[Увеличение скрытой эквивалентной массы: +70 000 тонн...]

[Увеличение скрытой эквивалентной массы: +100 000 тонн!]

[Текущая эквивалентная масса персонажа: 114 980]

тонн!]

Громов глухо, гортанно зарычал. Звук его голоса больше не напоминал человеческий крик — это был тяжелый, утробный тектонический рокот, от которого по кипящей лаве во все стороны побежали концентрические круги мелкой ряби.

Сотня тысяч тонн. Масса огромного океанского рудовоза водоизмещением в целый флот или целого железорудного карьера со всеми его экскаваторами и железнодорожными путями — теперь все это было спрессовано в объем человеческого тела ростом в два метра, закованного в почерневшую сталь.

Обычная классическая механика немедленно провалила бы такую точечную сверхмассу сквозь континентальную кору прямо к расплавленному ядру планеты со скоростью свободного падения. Но здесь в действие вступил высший закон класса — компенсационный гравитационный градиент. Глеб не проваливался под землю, потому что его собственное поле притяжения вступило в резонанс с пространственной метрикой мира, создавая непосредственно под подошвами его сапог локальную область повышенной квантовой упругости пространства.

И в этот миг системный интерфейс перед глазами озарился ослепительным золотым сиянием древнего мифического ранга:

[Поздравляем! Ваша негибаемая воля и понима-

ние физики твердого тела преодолели абсолютный барьер прочности материи!]

[Сформирован новый постоянный пассивный навык ранга Мифический: «Нейтронная Плотность»!]

[Описание: Ваша биологическая и металлическая структура перешла в состояние вырожденного нейтронного вещества. Входящий физический, кинетический и термический урон перманентно снижается на 80 %. Любой механический импульс мощностью выше 1 000 000 Дж автоматически поглощается без деформации несущих тканей и конвертируется в дополнительную эквивалентную массу.]

[Пассивный эффект «Тяготение Титана»: Радиус естественного гравитационного притяжения увеличен до 25 метров. Вражеские снаряды, стрелы и легкие кинетические объекты в этой зоне неизбежно искривляют свои траектории, притягиваясь к плоскости вашего щита.]

— Вот оно... — хрипло выдохнул Глеб, сплевывая на раскаленную кирасу сгусток темной спекшейся крови. — Вот за что стоило бороться на пределе жизни.

Вместе с окончательной фиксацией навыка вокруг тела Громова произошло физическое явление, потрясшее бы любого ученого.

Жидкий гранит вокруг его ног и торса начал стремительно менять агрегатное состояние. В естественных услови-

ях силикатная лава остывает чрезвычайно медленно, отдавая тепло окружающему воздуху и породе часами, а порой и неделями. Но сейчас теплопроводность перестала играть решающую роль. Вступило в силу чудовищное статическое давление, излучаемое аурой гравитационного монолита.

Под давлением сотен тысяч атмосфер жидкий кварцево-полевошпатовый расплав не успевал кристаллизоваться стандартным путем — он подвергся мгновенному барическому фазовому переходу. Жидкая каша вокруг тела Глеба с громким сухим треском затвердела буквально за три секунды.

Но это был уже не обычный пористый вулканический шлак. Это был монолитный, абсолютно черный, полированный сверхплотный кварцит с зеркальной, не отражающей свет поверхностью.

Лавовое озеро в радиусе пятнадцати метров от Глеба мгновенно остекленело, сформировав монолитную плиту колоссальной твердости, способную без прогиба удержать вес целой горной гряды.

Глеб медленно повел плечами. Раскаленный добела вольфрамовый стержень, намертво впаявшийся в лицевую панель «Монолита», теперь выглядел как исполинский граненый таран, диффундировавший в адамантий на атомарном уровне.

Инженер-металлург внутри Громова с профессиональным восхищением оценил структуру новообразованного ма-

териала: в точке соударения возник уникальный интерметаллид вольфрама, урана и адамантия, стабилизированный квантовыми гравитационными тензорами его собственного поля. Это был сырой, неочищенный, но уже абсолютно реальный прототип легендарного металла Зодчих — Нейтрониума.

Опираясь на затвердевший базальтово-кварцитовый постамент, Глеб медленно распрямил колени.

Каждое его микродвижение отзывалось в толще скалы низким, рокочущим сейсмическим эхом. Сделав первый тяжелый шаг, он с хрустом вырвал наголенники из остывшего зеркального камня. Под подошвами кованых сапог разбежались тончайшие паутинки белых трещин, но монолит держал нагрузку. Громов поднял свой обновленный щит, вес которого теперь превышал пятьдесят две тонны чистейшего космического вольфрама, с той же невозмутимой легкостью, с какой кузнец поднимает привычный ручной молот.

— Глеб!.. — раздался над краем воронки сорванный, звенящий от сдерживаемых рыданий голос.

На полуразрушенном парапете бастиона стояла Вероника. Ее составной кристаллический лук был опущен к бедру, а оптический монокуляр сдвинут на лоб. Девушка смотрела на дно кратера широко распахнутыми глазами, в которых блестели слезы немого потрясения. Ее приборы фиксировали аномальные значения, но собственные глаза видели главное: среди клубов едкого белого кремниевого пара, по чер-

ному зеркалу застывшего кратера, шаг за шагом поднимался живой человек.

Следом за ней из бронированного люка капонира пулей выскочил Денис. Кузнец бросил свой тяжелый накидной ключ прямо на камни, вцепился обеими руками в свою пышную рыжую бороду и во все горло заорал на весь базальтовый каньон:

— Живой! Разрази гром мои наковальни, он живой! Он поймал пятидесятитонную орбитальную дуру на грудь и даже не почесался!

Снизу, со стороны глубоких штолен города, донесся тяжелый металлический гул.

Массивные адамантиевые гермозатворы Древней Шахты Титанов с шипением гидравлики разошлись в стороны. Первыми на разрушенные террасы выскочили разведчики ополчения с арбалетами наперевес. За ними, тяжело опираясь на кованный посох, торопливо шел старейшина Корней, а следом бесконечным потоком хлынули тысячи шахтеров, мастеров, женщин и ополченцев Базальтовой Гавани.

Они поднимались на верхние ярусы с замиранием сердца, ожидая увидеть пылающие руины, братскую могилу и разорванное в клочья тело своего защитника.

Но вместо пепелища перед их взорами предстала сцена, достойная высечения на гранитных скрижалях вечности.

Своды города были целы. Гора стояла непоколебимо, словно сам хребет Железных Клыков стал втрое крепче. А из

исполинского дымящегося кратера, держа в руке башенный щит с вплавленным в него сияющим вольфрамовым монолитом, на солнечный свет выходил Базальт. Вокруг его могучей фигуры, закованной в черную матовую броню, свет причудливо преломлялся, создавая иллюзию мерцающего темного ореола — словно сама пустота космоса почтительно расступалась перед его тяжелой поступью.

На несколько секунд над всем каньоном повисла абсолютная, благоговейная тишина. А затем тысячи глоток одновременно взорвались единым, сотрясающим скалы ликующим ревом:

— Базальт! Слава Базальту!

— Слава Тяжеловесу! Мы живы! Небо удержано!

— Скалы стоят! Свободная Гавань непобедима!

Люди бросались друг другу в объятия, плакали от счастья, ополченцы вскидывали мечи и секиры, ударяя ими о стальные нагрудники. Бывалые рудокопы, прошедшие всю жизнь во тьме забоев и не раз смотревшие в глаза горным обвалам, падали на колени прямо на гранитную крошку, потрясенно глядя на человека, который один принял на себя удар звездных богов.

Корней подошел к краю кратера, снял свою засаленную шапку и низко поклонился Глебу:

— В древних свитках Зодчих, найденных на десятом горизонте, было сказано: «И придет Тот, чья плоть станет тверже скалы, и остановит падающие звезды». Мы думали, это

сказки стариков... Прости нас, Базальт, за малодушие. Отныне каждый камень в этой Гавани, каждая капля руды и каждый человек здесь — твои до последнего вздоха.

— Встань, Корней, — негромко, но веско произнес Глеб, поднимаясь на край воронки. Камень под его сапогами жалобно скрипнул, принимая новую, немыслимую тяжесть. — Никому в этом городе больше не придется стоять на коленях. Ни перед Люцианом, ни перед Архитекторами.

А высоко над планетой, в безмолвном вакууме орбиты, на мостике супердредноута «Сверхгигант» царил холодный технологический шок.

Помещение командного центра, освещенное мертвенным неоновым приборных панелей, заполнилось тревожным писком сотен диагностических систем. Десятки высших офицеров Совета Архитекторов в зеркальных масках непрерывно вводили новые поправки в квантовые расчетные процессоры, но вычислительная матрица упрямо выдавала ошибку сингулярности.

Верховный Архитектор Валтор неподвижно замер перед гигантским панорамным голоэкраном, на котором транслировался вид ликующей Базальтовой Гавани. Его пальцы в тонких манипуляторных перчатках сжались так, что тончайшие сервоприводы издали жалобный визг.

— Полный отчет, — ледяным, вибрирующим тоном произнес Валтор.

Главный аналитик флота, чье бледное лицо было напо-

ловину закрыто имплантированным блоком сенсорных кристаллов, дрожащим голосом произнес:

— Кинетический снаряд «Стрела Одина» достиг расчетной координаты на скорости семь тысяч восемьсот пятьдесят метров в секунду. Отклонение от точки прицеливания составило менее полуметра. Однако суммарный сейсмический и термический выход взрыва составил... ноль целых пятнадцать сотых процента.

— Где энергия? — медленно, с паузой между словами спросил Валтор. — Полтора триллиона джоулей не могут исчезнуть из замкнутой системы. Это нарушает первый закон термодинамики.

— Энергия не исчезла, господин председатель, — аналитик вывел на экран гравитационную карту сектора. — Она была целиком поглощена биологическим объектом «Глеб Громов». Поглощена и сконденсирована в массу. Телеметрия подтверждает: текущий эквивалентный вес объекта превысил сто четырнадцать тысяч тонн.

По мостику флагмана пробежал глухой шепот ужаса среди старших технократов.

— Сто четырнадцать тысяч тонн?! — не выдержал главный инженер эскадры. — В объеме одного гуманоида?! Это же локальная черная дыра! Он должен был разрушить гранитное плато и уйти к мантии планеты за доли секунды!

— Он не проваливается, потому что замкнул тензорные поля на собственное тело, — холодно отозвался Валтор, и

в его голосе впервые прозвучали нотки с трудом сдерживаемой ярости. — Он научился управлять кривизной пространства-времени. Если мы продолжим кинетическую бомбардировку и сбросим оставшиеся четыре стержня, этот безумец просто впитает их энергию. Его масса вырастет до полумиллиона тонн, и тогда рожденная им сингулярность сорвет с орбиты наши собственные дредноуты.

Валтор резко развернулся к стоящему навывтяжку Верховному Инквизитору Совета:

— Отставить кинетические удары. Протокол «Стрелы Одина» показал свою неэффективность против квантовой аномалии. Переходим к прямой физической ликвидации. Активировать протокол «Охотники за гравитацией». Сбросить штурмовые капсулы первого легиона Инквизиции.

Зеркальная маска Верховного Архитектора отразила холодный свет звезд:

— Разверните антигравитационные подавители нулевого поля. Лишите его массы, обратите его вес в ноль и рассеките его нестабильное ядро на квантовые фракции. Выполнять!

Тем временем внизу, на продуваемом ветром бастионе, Денис благоговейно оглаживал руками остывающий вольфрамовый нарост на щите Глеба.

— Это фантастика, Глеб... — шептал кузнец, постукивая маленьким бронзовым молоточком по монолиту. Звук удара был глухим, плотным, словно били не по металлу, а по сплошному алмазному монолиту. — Обычный вольфрам

звенит на высокой ноте. А этот... он поглощает звук! Ни единой поры, ни единой трещины. Если мы расплавим этот массив в древней печи Зодчих и выкуем из него полный латный доспех, ни одно оружие во вселенной не сможет оставить на тебе даже царапины!

— Но обычный огонь не возьмет такую плотность, Дэн, — заметила Вероника, внимательно разглядывая монолит. — Температура плавления обычного вольфрама — три с половиной тысячи градусов. А у этого сплава?

— Десять тысяч градусов как минимум, — азартно ухмыльнулся Денис, вытирая сажу со щеки. — Но у нас есть Плавильня Первых Зодчих на самом нижнем ярусе Шахты Титанов. Там течет река чистой геотермальной плазмы. И у нас есть сам Глеб. Его гравитационное поле сможет сжимать и формировать металл прямо на наковальне!

Глеб посмотрел на своих верных друзей. Острая боль в израненном теле постепенно отступала, уступая место пьянящему, ни с чем не сравнимому ощущению несокрушимой физической мощи и внутренней стабильности.

— Времени у нас немного, — произнес Громов, вглядываясь в темные силуэты дредноутов в зените. — Валтор понял, что кинетика против меня бесполезна. Следующим шагом будет десант. Денис, собирай всех свободных мастеров. Мы спускаемся в Плавильню Титанов. Пришло время синтезировать Нейтрониум.

ГЛАВА 05. СИНТЕЗ НЕЙТРОНИУМА

Глубины Древней Шахты Титанов встречали не промозглым холодом горных подземелий, а ревущим, багровым дыханием первобытных земных недр.

Здесь, на вертикальной отметке минус четыре тысячи метров от поверхности Базальтовой Гавани, располагалось истинное технологическое сердце древней цивилизации Зодчих — Колоссальная Плавильня Первородного Огня. Огромный куполообразный зал, способный без труда вместить пару земных металлургических комбинатов со всеми их пролетами и эстакадами, опирался на циклопические шестигранные колонны из черного базальта. Каждая колонна была увита толстыми медными шинами и светящимися геотермальными волноводами, пульсирующими густым янтарным светом.

Внизу, в глубоком каньоне, с оглушительным ревом неслась река кипящей магмы, подпитываемая прямым магматическим прорывом из планетарной мантии. Жар здесь стоял такой, что обычный металл нагревался докрасна за считанные минуты, а воздух был пропитан едким запахом серы, испарений тяжелых металлов и чистейшего озона.

В самом центре зала, на массивном базальтовом постаменте, возвышалась легендарная Наковальня Титанов — цельный куб из метеоритного адамантия размером с двухэтажный дом, грани которого были испещрены древними геометрическими клинописными рунами термоядерной ков-

ки. Над ней на тяжелых шарнирных консолях покачивался колоссальный гидравлический молот Первых Зодчих, приводимый в действие силой тектонического пара сверхвысокого давления.

Денис стоял на верхнем мостике технологического управления, с профессиональным наслаждением вдыхая раскаленный воздух.

На верховном кузнеце был надет массивный фартук из чешуйчатой кожи магматического василиска, на лбу красовались тяжелые защитные очки-светофильтры с напылением из звездного кварца, а в руках он держал тяжелый пневматический манипулятор. Глаза мастера горели неистовым восторгом:

— Вот она, настоящая кузница! — прогремел Денис, перекрывая гул бурлящей лавы внизу. — Никаких жалких деревенских мехов на березовом угле! Никаких примитивных горнов для подковки лошадей! Здесь древние мастера ковали обшивку звездных ковчегов и лезвия, способные рассекать гравитационные аномалии! Глеб, заводи подъемник, тащи наш космический подарок прямо на наковальню!

Глеб Громов ступил на гранитные плиты плавильни.

Каждый его шаг отзывался в толще камня тяжелым, вибрирующим сейсмическим резонансом. На его широком плече покоилась чудовищная масса — пятидесятитонный монолитный кусок металла, в который превратился башенный щит после прямого тарана орбитальной «Стрелы Одина».

Для любого другого воина или существа этого мира поднять подобную ношу было бы физически невозможно, но для Глеба с его текущей эквивалентной массой в сто четырнадцать тысяч тонн этот пятидесятитонный брусок вольфрама ощущался не тяжелее, чем стандартный кузнечный молот в руке опытного рабочего.

С оглушительным звоном, от которого со сводов зала посыпалась каменная крошка, Громов опустил металлическую глыбу на зеркальную плоскость Наковальни Титанов.

— Ну и как мы будем формировать этот слиток, Дэн? — спросил Глеб, подняв закопченное забрало. — Я инженер-металлург, и я знаю базовые диаграммы фазового равновесия. Чистый вольфрам плавится при трех тысячах четырехсот двадцати градусах Цельсия. Но после гиперзвукового сжатия и диффузии с адамантием температура его фазового перехода взлетела до предельных величин. Магма внизу дает от силы две тысячи. Даже плазменные резак просто оставят на нем поверхностные царапины. Обычной ковкой мы расколем наковальню, но не изменим его форму.

Денис широко ухмыльнулся, поправляя ремни защитных светофильтров:

— А для этого у нас есть закон превращения энергии, помноженный на твои невозможные способности! Мы не станем плавить его целиком, как чугун в ковше. Мы применим метод послойного квантового спекания! Вероника, как там твои конденсаторы?

На противоположном краю металлического помоста замерла Вероника. Ее стройная фигура казалась почти невесомой на фоне гигантских шестерен и поршней древней плавильни. В ее руках покоился длинный составной лук «Фотонный Шквал», плечи которого были соединены толстыми оптоволоконными шинами с тремя мощными геотермальными трансформаторами Зодчих.

— Батареи накачаны до ста процентов, — отозвалась де-вушка, и в ее голосе звенела предельная концентрация релятивистского стрелка. — Я могу выдать когерентный импульс субсветовой лазерной накачки. Фокусное пятно — три миллиметра. Температура в фокусе превысит миллион градусов за долю микросекунды. Но поверхностный слой мгновенно испарится и детонирует, если ты не удержишь его от взрывного расширения.

— Удерживать будет Глеб! — азартно воскликнул Денис. — План предельно ясен. Вероника бьет лазерной иглой, расплавляя микрослой заготовки. Я вбрасываю в расплав порошок из Реликтового Ядра — тот самый концентрат звездного вещества Люциана. А ты, Глеб, накрываешь точку плавки своим гравитационным прессом! Ты должен сжимать размягченный металл собственным весом, впечатывая атомы друг в друга и формируя контуры доспеха!

Глеб подошел к наковальне вплотную. В его взгляде вспыхнул знакомый огонь заводского технолога, берущегося за невыполнимый производственный заказ.

«Зонная плавка с гравитационным уплотнением кристаллической решетки. Подавление дислокаций по границам зерен. Если электроны внешних оболочек вдавить в ядра в момент фазового перехода, мы получим состояние вырожденного вещества. Это будет не просто броня. Это будет твердый кусок нейтронной звезды».

— Начинаем первый проход, — скомандовал Глеб, положив руки на холодные края вольфрамового монолита.

— Луч пошел! — крикнула Вероника и спустила тетиву. Из кристального наконечника ее лука с сухим электрическим треском вырвалась ослепительно тонкая, пронзительно-синяя стрела лазерного излучения.

Луч вонзился в центр металлической глыбы. Воздух мгновенно взвыл от чудовищного термического градиента. Черная корка вольфрама вспыхнула белым термоядерным огнем, превращаясь в каплю ослепительной квазизвездной плазмы.

— Денис, порошок! — крикнул Глеб.

Кузнец нажал пневматический спуск дозатора. Струя мелкодисперсного порошка из Реликтового Ядра ударила в раскаленное пятно. В ту же секунду раздался низкий, глухой хлопок — внутри расплава зародилась микроскопическая гравитационная воронка. Вещество попыталось сдетонировать, стремясь разнести плавильню в клочья.

— Дави его, Глеб! — заорал Денис, закрывая лицо рукавом от хлещущих брызг жидкого огня.

Громов не отступил ни на шаг. Он замкнул пальцы вокруг кипящего очага.

[Активирован активный навык: «Гравитационный Пресс Сингулярности»!]

[Приложена скрытая масса: 114 980 тонн!]

[Концентрация гравитационного вектора в пятне диаметром 30 сантиметров!]

[Давление в зоне деформации: 850 000 000 атмосфер!]

Глеб не касался плазмы физической плотью перчаток — между его ладонями и кипящим сплавом возник непроницаемый гравитационный зазор в доли микрона.

Громов ковал материю силой своей негибимой воли и запредельной плотности. Он вдавливал атомы вольфрама в адамантиевую матрицу, заставляя их образовывать идеальную кристаллическую решетку с нулевым числом вакансий. Он чувствовал, как сопротивляется металл, как неистовая кинетическая энергия стремится вырваться наружу, но его руки направляли поток пластической деформации с хирургической точностью.

Грохот!

Гидравлический молот Титанов обрушился сверху с силой в десять тысяч тонн пара, завершая механическую осадку слоя. Сноп пурпурных и фиолетовых искр взметнулся под самый купол зала, ударив в базальтовые своды.

Грохот!

Денис ловко подхватывал заготовку пневматическими захватами, переворачивая ее и подсыпая новые порции легирующих флюсов из звездного серебра и кристаллического бора.

— Еще один проход, Глеб! Тяни ребра жесткости нагрудника! Выравнивай фаски наплечников! Металл слушается! Кристалл замыкается!

Грохот!

Вероника непрерывно, с хладнокровием идеального снайпера посылала короткие, дозированные импульсы субсветовой энергии, разогревая металл в строго рассчитанных точках и срезая микроскопические шероховатости лучом света. Три человека работали как единый биомеханический механизм: инженер рассчитывал векторы напряжений, кузнец управлял термическими циклами, стрелок филигранно дозировала энергию.

Проковка продолжалась три часа без единой секунды передышки.

И наконец, с протяжным басовым гулом стравливаемого пара, молот Титанов замер в верхнем положении.

На наковальне, окутанный клубами шипящего азотного пара, лежал готовый комплект боевого облачения.

Он не был похож ни на один доспех, созданный смертными мастерами.

Он был абсолютно, глубоко черным. Металл не блестел и не давал бликов — он буквально поглощал свет, словно ку-

сок застывшей пустоты, вырезанный из ткани ночного неба. Поверхность латных пластин не имела следов сварки или заклепок: это был монолитный экзоскелет из сверхплотной материи. Вдоль граней наплечников и нагрудника свет плавно загибался по криволинейным траекториям, образуя едва уловимый радужный ободок гравитационного линзирования.

Рядом покоился перекованный щит. Старый верный «Монолит» переродился в исполинскую трапезиевидную плиту с глубокими гравитационными каналами. В самом сердце щита ровно пульсировала сжатая точка стабилизированного звездного ядра, защищенная броневым колпаком из прозрачного адамантия.

Системный интерфейс запылал торжественными золотыми и фиолетовыми письменами:

[Создан уникальный шедевр кузнечного и металлургического мастерства эпохи Зодчих!]

[Наименование комплекта: «Латный Доспех: Горизонт Событий» (Мифический ранг — Реликтовый артефакт)]

**[Материал: Квантово-стабилизированный Нейтро-
ний (Плотность: 10^{14} кг/м³)]**

[Физическая защита: Абсолютная (Полный иммунитет к немагическому дробящему, рубящему и колющему урону)]

[Поглощение энергии: 90% любого магического,

плазменного и температурного воздействия]

[Пассивный эффект «Гравитационный Захват»:
Скорость передвижения и атаки противников в ради-
усе 10 метров снижается на 60% из-за релятивистско-
го искривления пространства-времени.]

[Наименование щита: «Сингулярный Бастион»]

[Активный навык «Квазарный Выброс»: Накопле-
ние до 500 000 000 000 Дж кинетической энергии с воз-
можностью мгновенного высвобождения в виде раз-
рушительного гравитационного импульса.]

Денис обессиленно опустился на ступени помоста. Его ли-
цо было черным от сажи, фартук прожжен во множестве
мест, но в глазах светилось безудержное счастье мастера:

— Мы сделали это... Ни один смертный кузнец не держал
в руках Нейтрониум! Глеб, надевай. Этот металл родился из
твоей массы, он должен стать твоей второй кожей.

Глеб медленно подошел к наковальне и протянул руки к
черным доспехам.

Стоило его ладоням коснуться холодного Нейтрониума,
как металл отозвался тихим, вибрирующим гулом, словно
узнал своего создателя.

Латные поножи сами скользнули на ноги Глеба, с глухим
гидравлическим щелчком сомкнувшись вокруг голеней и бе-
дер. Нагрудник мягко лег на плечи и торс, безупречно рас-
пределив свой колоссальный вес по телу. Массивные наплеч-
ники встали в пазы, а глухой граненый шлем с узкой амбра-

зурой забрала завершил слияние плоти и сверхплотного металла.

В правую руку Громов взял рифленую рукоять «Сингулярного Бастиона».

В тот же миг воздух в огромном зале плавильни дрогнул. Пространство вокруг Глеба заметно прогнулось. Свет факелов и пылающей внизу лавы изогнулся по спиральным траекториям, сформировав вокруг его плеч и пояса мерцающий, тускло светящийся аккреционный диск. Человек исчез. На ступенях наковальни стоял живой бастион сингулярности — тяжелый, несокрушимый, способный выдержать крушение миров.

— Невероятно... — прошептал Денис, поднявшись на ноги и подходя ближе с диагностическим щупом. — Глеб, твои шарниры на сочленениях... Они не трутся металл о металл! Нейтрониум генерирует тончайшие квантовые подушки отталкивания. Никакого износа, никакой усталости металла! Твой доспех вечен!

Глеб медленно сжал кулак в латной перчатке. Воздух в его кулаке хлопнул с силой петарды — давление схлопнуло микроскопический объем газа.

— Я чувствую массу каждой пластины, — произнес Громов, и его голос сквозь решетку забрала прозвучал с плотным, глубоким басовым резонансом. — Она не давит на плечи. Она подчиняется мысли. Я могу смещать центр тяжести в любую точку: в левый локоть для сокрушительного тарана

или в подошвы для абсолютного укоренения.

Вероника, заинтригованная происходящим, медленно вложила в свой лук тяжелую тренировочную стрелу с мономолекулярным наконечником:

— Глеб, прими вправо. Я хочу проверить твой аккреционный ореол.

— Стреляй, — спокойно разрешил танк.

Девушка отпустила тетиву. Стрела сорвалась с места с сухим щелчком, преодолев тридцать метров за доли миллисекунды.

Но стоило снаряду войти в пятиметровую зону вокруг Глеба, как траектория полета резко изогнулась по крутой параболе. Стрела не ударила в грудь — она закружилась вокруг его корпуса по сужающейся спирали, набрала бешеную угловую скорость в гравитационном колодце и с визгом ушла рикошетом в базальтовый пол плавильни, выбив фонтан каменной крошки!

— Гравитационная праща! — выдохнула Вероника, и ее глаза сверкнули восторгом снайпера. — Ты можешь не просто отклонять вражеские выстрелы. Если я рассчитаю угол входа своей стрелы в твое поле, твой Горизонт Событий работает как релятивистский ускоритель! Мои стрелы получают импульс от твоей массы и уйдут в цель на околосветовой скорости!

— Это будет наш козырь против их авиации и дредноутов, — удовлетворенно кивнул Глеб. — Релятивистский тандем.

Денис тем временем подошел к Громову и закрепил на его широком боевом поясе тяжелую разгрузочную портупею из огнеупорной титановой цепи:

— Я добавил на спинную плиту магнитные захваты для «Сингулярного Бастиона» и гнезда для аварийных инжекторов рунического пара. Если придется таранить переборки дредноутов на орбите — дерни вот это кольцо. Оно даст реактивный форсаж в спину на десять тысяч тонн тяги.

— Отличная работа, Дэн, — скупое, но тепло улыбнулся Глеб под шлемом. — Металлургия высшей пробы.

И именно в эту секунду на консолях плавильни Титанов истошно взвыли аварийные сирены.

Красные стробоскопы тревоги залили базальтовые колонны ядовитым багровым светом. Вероника мгновенно вскинула лук к плечу, прижимая палец к сенсорному монокуляру:

— Глеб! Нарушен внешний контур верхних вентиляционных шахт!

— Что там происходит? — резко спросил Денис, вскидывая тяжелый боевой молот.

— Штурмовые капсулы! — крикнула девушка, и ее голос стал острым, как бритва. — Десятки тяжелых десантных капсул Совета пробили своды верхнего каньона и вошли в штольни Гавани! Архитекторы сбросили элитный легион Инквизиции! Они зачищают верхние террасы и спускаются прямо к нам! У них на вооружении полевые антигравитаци-

онные излучатели!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.